

БОЖИИ ЛЮДИ

[К предыдущей странице](#)

[Оглавление](#)

[К следующей странице](#)

ОПТИНА

Оптина... Так сокращенно называли обычно этот монастырь богомольцы. Подобно и Саровский монастырь называли просто "Саров". Иногда к Оптиной присоединяли и слово "пустынь", хотя пустынного там не было ничего, но этим хотели, вероятно, отметить особую святость этого монастыря.

Оптина находится в Калужской губернии, в Козельском уезде, в к верстах от города, за речкой Жиздрой, среди соснового бора.

Самое слово Оптина толкуют различно. Но нам, с духовной точки, больше по душе легенда, что эта пустынь получила свое имя от какого-то основателя ее, разбойника Опты. Так ли это было на самом деле или иначе, но посетителям да и монахам, это объяснение нравится больше потому что богомольцы тоже приходили туда с грехами и искали спасения души: да и монашеское житие по сущности своей есть прежде всего покаянное подвижничество.

Прославилась же Оптина своими "старцами". Первым у них был отец Лев - или Леонид - ученик знаменитого старца, Паисия Величковского, подвизавшегося в Нямецком монастыре, в Молдавии. После отца Льва старчество перешло к преемнику его, иеромонаху о. Макарию (Иванову), происходившему из дворян. Про него сам митрополит Московский Филарет сказал однажды : "Макарий - свят". Под его руководством воспитывался и вызрел "мудрый" Амвросий, учившийся сначала в семинарии. Потом были старцы - два Анатолия, Варсонофий - из военной среды и о. Нектарий. Последнего, а также и второго, Анатолия, видел я лично и беседовал с ними. Но кроме этих, особо выдающихся иноков и настоятеля, и многие монахи тоже отличались высокою святою жизнью. Впрочем, и вся Оптина славилась на Россию именно духовным подвижничеством братии, что связано было больше всего со старчеством и в свою очередь воспитывало опытных старцев.

Старец - это опытный духовный руководитель. Он не обязательно в священном сане, но непременно умудренный в духовной жизни, чистый душою и способный наставлять других. Ради этого к ним шли за советами не только свои монахи, но и миряне со скорбями, недоумениями, грехами... Слава оптинских старцев за одно второе полстолетие распространилась за сотни и тысячи верст от Оптиной, и сюда тянулись с разных сторон ищущие утешения и наставления. Иногда непрерывная очередь посетителей ждала приема у старца с утра до вечера. Большей частью это были простые люди. Среди них иногда выделялся священник или послушник монастыря. Не часто, но бывали там и интеллигентные лица: приходил сюда и Толстой, и Достоевский, и великий князь И. Константинович, и Леонтьев, и б. протестант Зедергольм; жил долго при монастыре известный писатель С.А.Нилус; постригся в монашество бывший морской офицер, впоследствии епископ Михей; при о. Макарии обитель была связана с семьей Киреевских, которые много содействовали издательству монастырем свято-отеческих книг; отсюда же протянулись духовные

нити между обителем и Н. В. Гоголем; известный подвижник и духовный писатель, епископ Игнатий Брянчанинов тоже питался духом этой пустыни. А кроме этих лиц дух внутреннего подвижничества и старчества незаметно разлился по разным монастырям. И один из моих знакомых писателей, М. А. Н., даже составлял родословное дерево, корнями уходившее в Оптину... Хорошо бы когда-нибудь заняться и этим вопросом какому-нибудь кандидату богословия при писании курсового сочинения... А мы теперь перейдем уже к записям наших воспоминаний.

Конечно, они не охватывают всех сторон монастырской жизни; не говорят о подвижничестве и старчестве, какая известна была лишь им одним, их духовникам, да Самому Богу. Я буду говорить лишь о наиболее выдающихся лицах и светлых явлениях Оптиной. Разумеется, такое описание будет односторонним. И правильно однажды заметил мой друг и сотоварищ по СПб. Д. Академии, впоследствии архимандрит Иоанн (Раев), скончавшийся рано от чахотки, - что я подобным описанием ввожу читателей, а прежде всего - слушателей в некое заблуждение. Он привел тогда такое сравнение. Если смотреть на луг или цветник сверху, то как покажется он красивым со своими цветами и яркой зеленью. А спустись взором пониже, там увидишь голенький ствол с веточками. Но и здесь еще не источник жизни, а - внизу, в земле, где корявые и извилистые корни в полной тьме ищут питания для красивых листочков и цветочков. Тут уже ничего красивого для взора нет, наоборот, и неблаголепно, и грязно... А то и разные червяки ползают и даже подгрызают и губят корни, а с ними вянут и гибнут листочки и цветочки.

Так и монашество - говорил о. Иоанн, - лишь на высотах и совне - красиво; а самый подвиг иноческий и труден и проходит через нечистоты, и в большей части монашеской жизни является крестной борьбой с греховными страстями. А этого-то ты, - говорил друг, - и не показываешь в своих рассказах.

Все это совершенно верно, - скажу я. Но ведь и в Житиях Святых описываются большей частью светлые явления из жизни их и особенные подвиги. А о греховной борьбе упоминается обычно кратко и мимоходом. И никогда почти не рассказывается о ней подробно. Исключением является лишь житие св. Марии Египетской, от смрадных грехов дошедшей потом до ангелоподобной чистоты и совершенства. Но и то описатели оговариваются, что они делают это вынужденно, чтобы примером такого изменения грешницы утешить и укрепить малосильных и унывающих подвижников в миру и в монастырях. Так и мы вообще не будем много останавливаться на наших темных сторонах; это не поучительно. Да они мне и неизвестны в других людях; о чем бы я стал говорить?! Впрочем, где следует там будет упомянуто и об этом. Читателю же действительно нужно и полезно не забывать, что высоте и святости угодников Божиих и предшествует и сопутствует духовная борьба; иногда - очень нелегкая и некрасивая...

Кстати, и сам упомянутый о. Иоанн должен по справедливости быть причислен к лику подвижников; он мало жил; умер, будучи инспектором Полтавской семинарии.

Имя Божие

Мне дважды привелось бывать в Оптиной. Еще с академии я узнал о ней. И будучи студентом, в одном селе встречал духовных чад старца Амвросия и слушал их рассказы о нем. Но сам и не думал о посещении пустыни; не воспитывали в нас ни в семинариях, ни в академиях интереса и любви ни к монастырям, ни к подвижникам, ни к таким светилам Церкви, как даже о. Иоанн Кронштадский или епископ Феофан, затворник Вышенский, уже наши современники. Учеба, книги - вот был наш интерес. Потому и после академии почти никто из нас не думал о посещении обителей вообще.

Будучи ректором Таврической семинарии, решил я к концу летних каникул посетить Оптину. На следующий год или через два, я вторично побывал там, будучи ректором Тверской семинарии. Жил недолго - не больше двух недель. Конечно, за такой короткий срок я заметил лишь немного из богатых сокровенных сокровищ святой обители. Оба воспоминания солью воедино.

В первый раз я приехал на извозчике в монастырь днем и остановился в так называемой "черной" гостинице, где останавливались "обыкновенные" богомольцы; мне не хотелось выделяться из них и обращать на себя внимание. Помню заведующего инока, с темными густыми волосами; я не знал никого. Мы пили вместе с ним чай. Ничего особо не было. Но вот однажды он пригласил к чаю афонского монаха, удаленного со Святой горы за принадлежность к группе "имебожников", а теперь проживавшего в Оптиной. Сначала все было мирно. Но потом между иноками начался спор об Имени Божием. Оптинец держался решения Св. Синода, осудившего это новое учение о том, что "имя Бог есть Сам Бог". Афонец же защищал свое. Долго спорили отцы. Я молчал, мало интересуясь тогда этим вопросом. Оптинец оказался остроумнее; и после долгих и резких споров он, казалось, почувствовал себя победителем. Афонец, хотя и не сдался, но вынужден был замолчать. И вдруг, - к глубокому моему удивлению, - победитель, точно отвечая на какие-то свои тайные чувства, ударяет кулаком по столу и, вопреки прежним своим доказательствам, с энергией заявляет: "А все-таки имя Бог есть Сам Бог!" Спор больше не возобновлялся. Я же удивленно думал: что побудило победителя согласиться с побежденным?! Это мне было непонятно. Одно лишь было ясно, что обоим монахам чрезвычайно дорого было "Имя Божие". Вероятно, и по опыту своему, творя по монашескому обычаю молитву Иисусову ("Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного"), они оба знали и силу, и пользу и сладость призывания имени Божия; но только в богословствовании своем не могли справиться с трудностями учения богословских формулировок.

Потом, посещая некоторых оптинских монахов, я заметил у них в келиях большей частью у икон, листы бумаги, где славянскими буквами были написаны эти святые слова: "Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного". По-видимому, эти иноки в какой-то степени сочувствовали защите имени Божия. Но не смея и не имея сил делать это словами. Выражали свое почитание имени Божия вывеской на бумаге.

"Боже, - думал я, - в миру безбожие ширилось, маловерие, равнодушие, а тут люди еще горячатся и спорят о значении и силе даже имени Божия! Значит, они так или иначе живут жизнью в Боге".

Отец Анатолий

Через 2-3 дня моей жизни пронеслась весть в монастырь: прибывает чудотворная икона Калужской Божией Матери (память 2 сентября). К указанному времени многие монахи и богомольцы вышли навстречу святой иконе по лесной дороге и, приняв ее, пошли обратно в монастырь с пением молитв.

Вдруг я вижу, как из нашей толпы некоторые отделяются от процессии и спешно-спешно торопятся в правую сторону. Через несколько моментов там уже собралась густая толпа народа. Плотным кольцом кого-то или что-то окружившая. Из простого любопытства я тоже направился туда: в чем дело? Чтобы оставить икону Богородицы нужна была какая-то особая причина к этому. Протискавшись немного к центру толпы, я видел, что все с умиленной любовью и счастливыми улыбками смотрят на какого-то маленького монаха в клобуке, с седенькой нерасчесанной небольшой бородкой. И он тоже всем улыбался немного. Толпа старалась получить от него благословение. И я увидел, как вокруг этого маленького старичка все точно светилося и радовалось. Так милые дети встречают родную мать.

-Кто это? - спрашиваю я соседа.

-Да батюшка отец Анатолий! - ласково ответил он, удивляясь, однако, моему неведению.

Я слышал о нем, но не пришлось еще встретить его лично; да и не было особой нужды в этом не имел никаких вопросов к нему. А теперь явился вопрос о нем самом: что за чудо? Люди оставили даже икону и устремились к человеку. Почему, И ответ явился сам собою: святой человек тоже

чудо Божие, как и икона, только - явное чудо. Святой есть только "образ" Божий, воплощенный в человеке. Как в иконе, так и во святых людях живет сам Бог Своею благодатью. И тут и там Сам Бог влечет нас к Себе Своими дарами радости, утешения, милосердия, духовного света. Как Спаситель с Моисеем и Илией явились на Фаворе в благодатном несозданном свете ученикам, и тогда Петр от восторга воскликнул: "Господи! Хорошо нам здесь быть". (Лк. 9, 33). Так и через святых людей эта же преображенная благодать и светит, и греет. А иногда - как это не раз было с о. Серафимом Саровским, - она проявляется и в видимом, хотя и в сверхъестественном свете. Так было и тепер: через "батюшку" (какое ласковое и почитательное слово!) светило Солнце правды. Христос Бог наш. И люди грелись и утешались в этом свете.

Вспомнились мне и слова апостола Павла о христианах: "Разве не знаете, что вы - храм Божий, и дух Божий живет в вас," (I Кор. 6, 19).

И - другое его изречение, что всякий христианин должен бы возрастать в образ совершенный, в меру возраста полноты Христовой (Ефес. 4, 13)... Вот какая высота задана христианину - Сам Богочеловек, Христос!

И это - не дерзость хищения невозможного (Фил. 2, 6), а повеление заповедь Спасителя, данная на последней Его беседе:

"Если кто будет исполнять Мои заповеди, то будет возлюблен Отцем Моим; и Мы придем к тому и обитель в нем сотворим". (Ин. 14, 23).

Это - цель и задача христианской жизни: общение с Богом через благодать святого Духа. И тогда облагодатствованные люди начнут изливать свой, т.е. Божий свет и на других.

Боже, как велики сами по себе и как чрезвычайно важны для других эти святые люди! Выше их нет никого!

Пришлось и мне встречать в жизни своей так называемых "великих" людей, но никогда я не чувствовал их величия: человек как человек, обыкновенный. Но вот когда приходилось стоять перед святым, тогда ясно чувствовалось действительное величие их... Вот это - необыкновенные люди! А иногда и страшно становилось при них, - как это мне пришлось ярко пережить при службе с о. Иоанном Кронштадским.

И тогда понятным становится, почему мы прославляем святых, пишем их иконы, кланяемся им в землю, целуем их. Они - воистину достойны этого! Понятно станет и то, что мы в храмах кадим не только иконы Спасителя, Богородицы и святых, но и вообще - всех христиан: мы в них кадим, воздаем поклонение и почитаем Самого Бога, проявляющегося в своих образах: и в иконах, и в людях.

Ведь всякий христианин должен быть образом Божиим. Однажды мне пришлось спросить некоего старца:

-Как нужно относиться вообще к человеку,?

-С почитанием, - ответил он.

Я удивился словам его:

- Почему?

- Человек есть образ Божий, - сказал он.

И когда этот образ восстанавливается в человеке, тогда его чтут и люди; повиновались Адаму в

раю даже и звери. Об этом говорят и жития Герасима Иорданского и Серафима Саровского; и трепещут их даже бесы. Зато радуются им небожители. Когда Матерь Божия явилась с апостолами Петром и Иоанном св. Серафиму, то Она сказала им:

- Сей - от рода нашего!

От того же рода был и батюшка о. Анатолий. Сколько радости, любви и ласки изливалось от его лика на всех смотревших на него в Оптинском лесу, на солнечной прогалине!

Муж и жена

А вот - и наставление его, старческий совет. Я получил письмо от своего друга и товарища по академии, священника о. Александра Б. из Самарской губернии, о разладе с женой... Уж как он любил ее невестой! Весь наш курс знал о ней, какая она хорошая и прекрасная. И вот они повенчались. Он получает приход в рабочем районе города. Нужно строить храм. Молодой и идейный священник с любовью и энергией принимается за дело. Постройка быстро продвигается вперед. Казалось бы все хорошо. Но вот горе для матушки: ее батюшка запаздывает к обеду. Матушка недовольна этим: то пища остыла, то переварилась и пережарилась. Да и время напрасно пропадает, и другие дела по дому есть... И дети появились... И огорченная хозяйка начинает роптать и жаловаться на такой непорядок и расстройство жизни. А еще важнее то, что она вместо прежней любви начинает уже сердиться на мужа: разлагается семья. Батюшка же оправдывается перед ней:

- Да ведь я не где-нибудь был, а на постройке храма!

Но это ее не успокаивает. Начинается семейный спор, всегда болезненный и вредный. Наконец, матушка однажды заявляет решительно мужу:

- Если ты не изменишь жизни, то я уйду к родителям.

И вот к такому-то моменту мы обменялись с о. Александром письмами. Узнав, что я еду в Оптину, он описал все свое затруднение и попросил меня зайти непременно к о. Анатолию и спросить старческого совета его: как ему быть, Кого предпочесть - храм или жену,

Я и зашел в келию батюшки. Он принимал преимущественно мирских; а монахи шли к другому старцу - о. Нектарию. В келии о. Анатолия было человек десять-пятнадцать посетителей. Среди них обратился с вопросом и я. Батюшка, выслушав с опущенными глазами историю моего товарища, стал сокрушенно качать головой.

- Ах, какая беда, беда-то какая! - Потом не колеблясь, заботливо начал говорить, чтобы батюшка в этом послушался матушки: - Иначе плохо будет, плохо!

И тут же припомнил мне случай из его духовной практики, как развалилась семья из-за подобной же причины. И припоминаю сейчас имя мужа: звали его Георгием.

- Конечно, - сказал о. Анатолий, - и храм строить - великое дело; но и мир семейный хранить - тоже святое Божие повеление. Муж должен, по апостолу Павлу, любить жену, как самого себя; и сравнил апостол жену с церковью (Ефес. 5, 25-33). Вот как высок брак! Нужно сочетать и храм, и семейный мир. Иначе Богу неугодно будет и строение храма. А хитрый враг-диавол под видом добра, хочет причинить зло: нужно разуметь нам козни его. Да, - вот так и отпишите, пусть приходит вовремя к обеду. Всему есть свое время. Так и отпишите!

А потом, немного подумав, добавил:

- А тут добро-то добро: строить храм-то. Но к нему тайно примешивается и тщеславие... Да, примешивается, примешивается: ему хочется поскорее кончить... людям понравиться... Так и

отпишите...

Я так и отписал. И дело поправилось.

Дворянская

Во второе посещение я приехал ночью. Извозчик из Козельска подвез меня почему-то не к "черной" гостинице, а к "дворянской", где принимали почетных или богатых гостей. Я не стал возражать. Было уже около часу ночи, если не два. Нужно сказать, что в то время моей жизни мне сопутствовала Иверская икона Божией Матери. Бывало, одну отдам кому-нибудь - получу скоро другую, и я уже так скоро привык к сей святыне, что, куда-бы ни приезжал, искал сначала: а нет ли и здесь Иверской: Так было и тут. Вхожу в первую комнату, - в переднем углу висит икона Спасителя. Я жалею уже - не Иверская. Вхожу в спальню: и в углу - Иверская: слава Богу!

Ложусь спать... Едва успел задремать, слышу звон к утрени! Хорошо бы встать да идти в храм. Но лень. Устал. И снова заснул... Проснулся рано, часов около пяти. Было прекрасное августовское утро. Небо чистое. Солнце яркое. Зеленые деревья. Я открыл окно. И вдруг ко мне на подоконник прилетает голубь, совсем без страха. Я взял оставшийся от пути хлеб и стал крошить ему. Как это мне было отрадно: не боится людей! Но тут прилетает второй голубь. Я и ему отделяю крошки. Но первый уже стал ревновать: зачем я даю и другому?! И начинает клевать нового гостя. Сразу пропала моя радость:

- Господи, Господи! Вот и голуби враждуют и воюют. А уж, казалось бы, какие это мирные птицы! Даже Спаситель указывает на них, как на пример апостолам: "Будьте кротки, как голуби" (Мф. 10, 16). И грустно стало на душе. А уж, чего же требовать от нас, людей. При нашем себялюбии?! Говорят иные: не будет войн когда-то... Неправда: всегда будут, до конца миру. И не могут не быть; так как каждый из нас в самом себе носит источник войн: зависть, злобу, раздражение, сребролюбие... Недаром сказал один из писателей перед смертью: когда сын спросил его, прекратятся ли войны, - пока человек останется человеком, будут и войны!

Сам же Сын Божий предсказал, что мир ожидает не прогресс, а ухудшение человеческих отношений. И к концу мира будут особенно страшные войны: восстанет народ на народ (а не одни армии на армии), царство на царство. Зло лежит в нас самих, в сердцах наших; потому вся история этого мира и человека вообще - есть трагедия, а не легкая и веселая прогулка. Мир испорчен, и все мы грешны.

Так голуби мои и не примирились - улетели оба.

В тот же день я, посетивши о. игумена, попросил у него разрешения пожить мне в скиту: там больше уединения и духовного отдыха, чем при монастыре. И к вечеру я ушел туда.

Скит - это отделение монастыря, где монахи живут более строго и в большей молитвенности. Туда обычно не впускают посторонних лиц вообще, а женщинам - совсем не разрешается входить.

Оптинский скит, во имя св. Иоанна Предтечи, находится приблизительно в полверсте от монастыря. Кругом стройные высокие сосны. Среди них вырублено четвероугольное пространство, обнесенное стеной. Внутри - храм и небольшие отдельные домики для братии. Но что особенно бросается в глаза внутри его, это - множество разведенных цветов. Мне пришлось слышать, что такой порядок заведен был еще при старце о. Макарии. Он имел в виду утешать уединенную братию хотя бы красотой цветов. И этот обычай хранился очень твердо.

Мне сначала было отведено место в правой половине "Золотухинского" флигеля; в левой жил студент Казанской Духовной Академии о.А. Войдя в новое помещение, я устремился к углу с иконами: нет ли Иверской, Но там была довольно большая икона с надписью "Портатисса". Я пожалел... Но потом спросил сопровождавшего монаха, что значит "Портатисса", "Привратница", -

ответил он, - или иначе - Иверская. Ее икона явилась Иверскому монастырю на Афоне (Иверия - Грузия); и ей построили храм над воротами обители; потому что Матерь Божия в видении сказала: "Я не хочу быть хранимой вами, а Сама буду вашей Хранительницей". - Я возрадовался. И в этом скиту я прожил около двух недель.

Провожал меня сюда - высокий, статный инок с светло-белыми волосами и густой бородой. Имя его я уже не теперь. Но запомнил, что он был из семинаристов. Почему он - такой представительный, образованный и с хорошим басом - оставил мир и ушел в пустынь? Не знаю, а спрашивать было не деликатно.

Еще вспоминаю, что он почему-то рассказывал искушение одного египетского монаха, боримого плотскими страстями; как тот не унывал от своего падения, а бежал обратно в монастырь, несмотря на то, что бес шептал ему вернуться в мир и жениться... Когда же монах пришел к старцу своему, то пал в ноги со словами: "Авва, я пал!". Старец же увидел над ним венцы света, - как символ того, что диавол несколько раз хотел свести его в уныние и [убеждал] оставить монастырь; а благоразумный инок столько же раз отвергал эти искусительные помыслы и даже не сознавался в содеянном грехе, пока не пал в колена старца.

Старцы

Перед уходом в скит я - по совету ли игумена монастыря или кого-то из иноков - пожелал отслужить панихиду по усопшим старцам. За главным храмом, около стены алтаря, были две могилы - о. Макария и о. Амвросия. мне дали в качестве певчего - клиросного монаха-тенора. В засаленном подряснике, с довольно большим животом, он произвел на меня неблагоприятное впечатление. Не похоже на оптинских прославленных святых, - думалось мне...

Поя панихиду, я заметил под надгробной плитой ямочку. Монах объяснил мне, что почитатели старцев берут отсюда песочек с верою для исцеления от болезней. И вспоминаются мне слова Псалмопевца об Иерусалимском храме, что верующие в Господа любят не только самый храм, но благоволят и о камнях его; и "персть (прах) его полижут". И что тут дивного, если и теперь русские эмигранты, возвращаясь на родину, берут горсть земли и целуют ее; а иные припадают к ней лицом и тоже целуют. Пусть же не осуждают и нас, верующих, если мы берем песочек от святых могилок. Русский народ при всей своей простоте, совершенно правильно и мудро понимал святые вещи. И чудеса могли твориться только от этого. Из Деяний мы знаем, что не только головные уборы Апостолов изливали исцеления; но даже тени их творили чудеса (19,12; 5,15). А от о. Серафима Саровского оставшиеся вещи - мантия, волосы: камень, на котором он молился тысячу дней и ночей, вода из его колодца и проч. - творили чудеса.

"Велий еси, Господи; и чудны дела Твоя!" (Пс. 8, 5, 10).

Продолжу, однако, историю о "плохих монахах". Для этого забегу немного вперед. Накануне праздника Успения Богоматери я стоял среди богомольцев; монахи там стояли в левой особо выделенной части храма. Впереди на амвоне ходил с клироса на клирос послушник-канонарх и провозглашал певчим стихиры. Свое дело он вел хорошо. Но мне бросился в глаза белый ворот рубахи, выпущенный сверх воротника подрясника. И мне показалось, что этот монах недалек от мирян, тщеславящихся своими одеждами. "Какой же он оптинец?!" - так вот я осудил этих двух иноков. И думал, что я - прав в своих помыслах.

Но вот на другой день за литургией я сказал проповедь (об этом ниже). и что же, Когда я сходил с храмовой паперти, ко мне подбежали два монаха и при всем народе поклонились мне с благодарностью в ноги, прося благословения. Кто же были эти два монаха?.. Один из них полный певчий на могилках, а другой - этот канонарх с белым воротничком. Я был ошеломлен тем, что именно те двое, которых я осудил как плохих монахов, они-то именно и проявили смирение...

Господь как бы обличил меня за неправильный суд о людях. Да, сердце человека ведомо одному лишь Богу. И нельзя судить нам по внешнему виду... Много ошибок делаем мы в своих суждениях и пересудах...

Вместе с этими монахами мне вспомнился и отец игумен монастыря. Я теперь забыл его святое имя, - может быть, его звали Ксенофонт. Это был уже седовласый старец с тонкими худыми чертами бледного лица. Лет более 70... Мое внимание обратила особая строгость его лица, даже почти суровость. А когда он выходил из храма боковыми южными дверями, то к нему с разных сторон потянулись богомольцы, особенно - женщины. Но он шел поспешно вперед, в свой настоятельский дом, почти не оглядываясь на подходивших и быстро их благословляя... Я наполнился благоговейным почтением к нему. Этот опытный инок знал как с кем обращаться. И вспоминается мне изречение святого Макария Великого, что у Господа есть разные святые: один приходит к Нему с радостью; другой - в суровости; и обоих Бог приемлет с любовью.

Вспоминаю другого игумена, по имени Исаакия. Он перед служением литургии в праздники всегда исповедался духовнику. Один ученый монах, впоследствии известный митрополит, спросил его: зачем он это делает и в чем ему каяться? Какие у него могут быть грехи? На это отец игумен ответил сравнением:

- Вот оставьте этот стол на неделю в комнате с закрытыми окнами и запертой дверью. Потом придите и проведите пальцем по нему. И останется на столе чистая полоса, а на пальце пыль, которую и не замечаешь даже в воздухе. Так и грехи: большие или малые, но они накапливаются непрерывно. И от них следует очищаться покаянием и исповедью.

По поводу этих "малых" грехов припоминается здесь широко известный случай с двумя женщинами, имевший место в Оптиной пустыни. К старцу о. Амвросию пришли две женщины. Одна из них имела на своей душе великий грех и потому была крайне подавлена. Другая была весела, потому что за ней никаких "больших" грехов не значилось. О. Амвросий, выслушав их откровения, послал обеих к речке Жиздре. Первой он велел найти и принести огромный камень, какой только она была в силах поднять; а другая должна была набрать в подол своего платья маленьких камней. Те исполнили повеленное. Тогда старец велел обеим отнести камни на старые места. Первая легко нашла место большого камня, а вторая не могла вспомнить всех мест своих небольших камней и воротилась со всеми ими к старцу. Он и объяснил им, что первая всегда помнила о великом грехе и каялась и теперь могла снять с души своей его; вторая же не обращала внимания на мелкие грехи, а таких оказалось много, и она, не помня их, не могла очиститься от них покаянием.

Здесь же заметим, что в монастырях обычно один лишь игумен монастыря называется - "батюшка" - как одна матка в пчелином улье. А прочие монахи - как рясофорные, так и манатейные (постриженные в мантию) и иеромонахи - именуются - "отцы", с прибавлением их монашеского имени. Исключение составляют лишь "старцы", народ обычно называет их тоже "батюшка"; а монахи и тут отличают их от игуменов, называя - "старец" такой-то, по имени.

Скитники

Запишу разговор со мною о. Феодосия, настоятеля скита, о монашестве моем.

- Вы для чего приняли монашество, - спросил он меня.

- Ради большего удобства спасения души и по любви к Богу, - ответил я.

- Это - хорошо. Правильно. А то вот ныне принимают его, чтобы быть архиереями "для служения ближним", - как они говорят. Такой взгляд - "неправильный и несмиранный. По-нашему, по-православному, монашество есть духовная, внутренняя жизнь; и прежде всего - жизнь

покаянная, именно ради спасения своей собственной души. Ну, если кто усовершится в этом, то сможет и другим послужить на спасение. А иначе не будет пользы ни ему, ни другим.

Утренние службы совершались недолго, но зато скитские иноки вообще проводили значительную часть дня в свободных молитвах, по келиям. И эта сторона их жизни была ведома лишь им да Богу... Известно, что всякие "правила" и уставы о молитве нужны больше всего для нас, новоначальных, не воспитавших еще молитвенного горения "непрестанной" молитвы и "стояния перед Богом". Усовершенствовав же в этом внешние правила необязательны, а иногда даже они отвлекают от внутренней молитвы.

Какова была эта сторона жизни у подвижников и у старца Нектария, мне было неизвестно, а спрашивать не смел, да и признаться и не очень-то интересовался этим, будучи сам нищим в молитве. Только я прежде уже заметил, что, например, у о. Нектария глаза были воспалены: не от молитвенных ли слез, Говорил мне кто-то, что у него еще и ноги больные, распухшие: ясно, от долгих стояний и поклонов...

В молитвенности и заключается главная жизнь подлинных иноков, путь к благодатному совершенству и даже средство к получению особых даров Божиих: мудрости старческой, прозорливости, чудес, святости. Но эта сторона жизни - сокровенная у подвижников. Однако мы никогда не должны забывать о ней, как самой главной, если желаем хоть умом понять жизнь вообще святых.

Вставать приходилось около трех часов утра. Будил нас по келиям довольно молодой еще послушник, о. Нестор. Очень милый и ласковый, всегда с улыбкой на чистом лице, с небольшой бородой. Говорили про него, что он любил спать; поэтому ему и дано было послушание будить других; для этого он вынужден был поневоле вставать раньше, чтобы обойти весь скит. Но и после, говорят, его тянуло ко сну.

О. Макарий, в противоположность о. Нестору, был человек сурового вида. Огромная рыжая борода, сжатые губы, молчаливый, он напоминал мне о. Ферапонта из "Братьев Карамазовых" Достоевского. Он занимал положение эконома в скиту. На эту должность вообще назначают людей посуровее, чтобы не расточал зря, а берег монастырское добро. Познакомился же я с ним по следующему поводу. Однажды я с сожителем в Золотухинском "корпусе" о. Афанасием, пошли к литургии; и позабыв внутри ключ от дома, захлопнули дверь его. Что делать, Ну, думаем, после попросим о. эконома помочь нам; у него много всяких ключей. Так и сделали. О. Макарий молча пошел с нами. В рясе и клобуке - величаво. А замок наш был винтовой. О. эконом вынул из связки один подобный ключ, но его сердечко было меньше дырочки замка. Тогда он поднял с земли тоненькую хворостинку, сложил ее в отверстие и молча начал опять вертеть ключом. Не помогало. Тогда я посоветовал ему:

- О. Макарий, вы бы вложили хворостиночку потолще! А эта - тонка; не отопрете.

- Нет, не от того. Без молитвы начал! - сурово ответил он.

И тут же перекрестился, прочитав молитву Иисусову: "Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй мя грешного!" И снова начал вертеть ключ с прежней хворостиночкой. И замок тут же открылся. О. Макарий, не говоря более ни слова, ушел к себе, а мы разошлись по своим комнатам.

По этому поводу и в связи с ним мне вспоминается и другой случай. Спустя десять лет, будучи уже эмигрантом в Европе, я был на студенческой конференции "Христианской ассоциации молодых людей" в Германии в г. Фалькенберг. По обычаю, мы устраивали временный храм и ежедневно устраивали богослужения; а в конце недельной конференции все говели и причащались.

В устройстве храма мне помогал друг - студент А. А. У-в. На алтарной стороне нужно было повесить несколько икон. Юноша начал вбивать в стенку гвозди, но они попадали на камни и

гнулись. Увидев это и вспомнив о. Макария, я сказал: "А вы сначала перекреститесь и молитву сотворите, а потом уж выбирайте место гвоздю".

Тот послушно исполнил это. Помолился и наставил гвоздь в иное место, ударил молотком, и он попал в паз, между камнями. То же самое случилось и со вторым гвоздем и с прочими.

Был подобный случай и с о. Иоанном Кронштадским. Встав рано утром, около 3 часов, он, по обычаю, должен был читать утреннее правило ко Причащению. Но никак не мог найти этой книжки. Безуспешно пересмотрев все, он вдруг остановился и подумал: "Прости меня, Господи, что я сейчас из-за поисков твари (книги) забыл Тебя, Творца всяческих!" - и немедленно вспомнил место, куда он вчера положил книгу.

Потом в жизни я многим рассказывал об этих случаях. И сам нередко на опыте проверял истинность слов "сурового" отца Макария: "Без молитвы начал".

О. Кукша. Странное имя, никогда прежде мною не слыханное. Память этого святого 27 августа. Жил он в Киевской Лавре в конце XI и начале XII века. Он миссионерствовал среди вятичей; творил чудеса. Вместе со своим учеником Никоном был убит язычником. Мощи их доселе лежат в Антониевых пещерах. Живший в то время в Лавре Пимен постник воскликнул среди Церкви:

- Брат наш Кукша убит! - и сам тотчас же скончался (1113 г.).

В память этого священномученика и было дано при постриге имя оптинскому иноку.

Я с ним познакомился ближе потому, что монастырское начальство нашло нужным перевести меня из Золотухинского дома в другой, в келью рядом с о. Кукшей. Это был пожилой уже монах, лет около 65, а может быть, и больше; небольшого роста, с светлой бородой и необыкновенно простой и жизнерадостный. Он мне готовил чай в маленьком самоварчике, вмещавшем 4-5 чашек. Тут лишь мы и встречались с ним. И в скиту, и в монастыре не было обычая и разрешения ходить по чужим келиям без особого послушания и нужды. И я не ходил. А однажды зашел-таки по приглашению к одному монаху, но после получил от о. Феодосия легкое замечание:

- У нас - не ходят по келиям.

Вероятно, и пригласивший меня получил выговор. Хотя наша беседа с ним была не на плохие темы, а о святых отцах и их творениях, но раз - без благословения, то и хорошее - не хорошо...

И к о. Кукше я не ходил, и даже не видел его келии, хотя жили рядом в доме. Да и он заходил ко мне исключительно по делу и наши разговоры были случайными и короткими. Однажды он с удивительной детской простотой сказал мне о старчестве и старцах:

- И зачем это, не знаю... Не знаю! Все так ясно, что нужно делать для спасения! И чего тут спрашивать?!

Вероятно, чистой душе его, руководимой благодатью Святого Духа, и в самом деле не ни о чем не нужно было спрашивать: он жил свято и без вопросов. Беззлобный, духовно-веселый, всегда мирный, послушный - отец Кукша был как дитя Божие, о которых Сам Спаситель сказал: "Коли не будете как дети, не войдете в Царство небесное" (Мф. 18, 3). Но однажды с нами случилось искушение. Мне захотелось отслужить утром литургию. А о. Кукша заведовал церковной стороной скита и ризницей. Поэтому я и сказал ему накануне о своем желании. По чистой простоте он радостно согласился, и я отслужил.

А в скиту был обычай - вечерние молитвы совершать в домике о. скитоначальника. После этого мы все кланялись о. Феодосию в ноги, прося прощения и молитв и постепенно уходили к себе. А если ему нужно было поговорить с кем-либо особо, то он оставлял их для этого после всех. Но на

этот раз о. Феодосий оставил всех. Братии в скиту было немного. После "прощения" он обращается к о. Кукше и довольно строго спрашивает:

- Кто благословил тебе разрешить отцу архимандриту (т.е. мне) служить ныне литургию?

О. Кукша понял свою вину и без всяких оправданий пал смиренно в ноги скитона начальнику со словами: "Простите меня, грешного! Простите!"

- Ну, о. архимандрит не знает наших порядков. А ты обязан знать! - сурово продолжал выговаривать о. Феодосий.

О. Кукша снова бросается в ноги и снова говорит при всех нас:

- Простите меня, грешного, простите!

Так он и не сказал ни одного словечка в свое оправдание. А я стоял тоже, как виноватый, но ничего не говорил... Потом, с благословения начальника мы все вышли... И мне, и всей братии был дан урок о послушании... Действительно ли о. Феодосий рассердился или он просто через выговор смиренному о. Кукше хотел проучить и других, а более всего - меня, не знаю. Но на другой день утром вижу в окно, что он, в клобуке и даже в мантии, идет к нашему дому. Вошел ко мне в келию, помолился перед иконами и, подавая мне освященную за службой просфору, сказал:

Простите меня, о. архимандрит, я вчера разгневался и позволил себе выговаривать при вас о. Кукше.

Не помню теперь, ответил ли я что ему или нет.

Но вот скоро встретился другой случай. В Калужскую епархию приехал новый архиерей: епископ Георгий. Он был человек строгий и даже крайне властный. День был солнечный. Утро ясное. Вижу, о. Феодосий направляется с о. Кукшей к храму св. Иоанна Предтечи. Я поклонился. Батюшка говорит мне, что ныне он с о. игуменом монастыря едет в Калугу представляться новому Владыке.

- Вот сначала нужно отслужить молебен.

А я про себя подумал: монахи едут к общему Отцу епархии и своему, а опасаются, как бы не случилось какого искушения при приеме... Странно...

В это время отец Кукша отпер уже храм и мы двинулись туда. На пути о. Феодосий говорит мне:

- Вы знаете? О. Кукша - великий благодатный молитвенник. Когда он молится, то его молитва - как столп огненный летит к престолу Божию!

Я молчал. И вспомнил выговор этому столпу: видно, было нужно это и ему, и всем нам.

Седовласый о. Афанасий. Представьте себе глубокого старца с белыми волосами, с белой широкой бородой, закрывавшей почти всю грудь его. На голове мягкая монашеская камилавка. Глаза опущены вниз и духовно обращены внутрь души - точно они никого не видят. Если кто помнит картину Нестерова "Пустынный", то о. Афанасий похож не него, только волосы белее. В первый раз я обратил на него свое внимание в скитской трапезной. В чистой столовой, человек на 20-25, в середине стоял стол, а по стенам лавки. Первый приходивший сюда, положив, по обычаю, троекратное крестное знамение, садился направо на первое от дверей место. входивший за ним другой инок, после крестного знамения, кланялся пришедшему раньше и занимал соседнее место. Так же делали и другие, пока к строго определенному времени не приходили все. И никто ничего не

говорил. Нагнувши лицо вниз, каждый или думал что, или - вернее - тайно молился. На этот раз мне пришлось в ожидании трапезы сидеть рядом с о. Афанасием. В молчаливой тишине я услышал очень тихий шепот со стороны своего соседа. Невольно я повернул свое лица и заметил, как о. Афанасий двигает старческими губами и шепчет молитву Иисусову... По-видимому, она стала у него беспрестанною привычкою и потребностью.

После обеда я спросил у кого-то из скитников: какое особое - кроме молитвы, - послушание несет старец? Оказалось, что он из скита носит на "скотный двор" грязное белье монахов для стирки. Этот двор расположен где-то в лесу, в стороне от монастыря, и там трудится несколько женщин, Бога ради. Вот туда и посылают старца, убеленного сединами.

Отец Иоиль. Я уже упоминал о нем, как об очевидце визита Л. Н. Толстого к о. Амвросию. Теперь добавлю его рассказ о сотрудничестве с этим святым старцем. Батюшка начал и вел постройку женского Шамординского монастыря больше с верою, чем с деньгами, которые давали ему на это дело народ и благодетели. И не раз, в конце недели, рабочим нечем было платить. О. Иоиль был подрядчиком на этой стройке, от лица о. Амвросия. Приходит время расчета, а денег нет... Народ - все бедный. Приступают к подрядчику: "Плати!" - "Нечем!" Подождите да потерпите. И рабочие - хоть бросай дело. А о. Иоилью и их жалко, и постройку нельзя остановить.

- Вот я один раз решил отказаться от послушания: неумоготу мне, - рассказывал он сам. - Пришел к Батюшке, упал ему в ноги и говорю: - Отпусти, сил никаких нет терпеть людское горе.

О. Амвросий уговаривает:

- Не отказывайся, проси их подождать.

И сам я плачу, а сил нет.

- Ну, подожди, подожди! - говорит Батюшка.

И пошел он к себе в келию. Ну, - думаю, - где-нибудь в столе своем отыщет деньги? А он выходит с иконой Казанской Божией Матери и говорит:

- О. Иоиль! Сама Царица Небесная просит тебя: не отказывайся!

Я упал ему в ноги. И опять пошел на дело

Отец Исаакий. Кажется, таково было имя одного из скитских старых иеромонахов. Мы с ним встретились во внутреннем садике. Это был старец, лет под 70, но еще бодрый. Длинная, с проседью, борода. Он был духовником в этом самом Шамординском монастыре, наезжая туда по временам. К сожалению, из небольшой случайной нашей беседы осталось очень мало в памяти моей. Но он утешал меня, убеждая не унывать. Причем обратил мое внимание на то, что образованные монахи тоже делают святое дело в миру, тоже исполняют церковное послушание в школах, семинариях, во славу Божию. И при этом в глазах его светилась ласка и тихое ободрение.

[К предыдущей странице](#)

[Оглавление](#)

[К следующей странице](#)

This document is from the [Christian Classics Ethereal Library](#)
at [Calvin College](#). Last updated on June 2, 1999.
[Contacting the CCEL.](#)

